

Вадим ПЕРЕЛЬМАН:

Национальность? Режиссер

Наш эмигрант снял фильм об Американской мечте, превратившейся в Американскую трагедию: «Дом из песка и тумана» — три номинации на «Оскар»

Критики назвали фильм лучшим за всю историю студии Dream Works (на которой создана «Красота по-американски»). Имя режиссера — Вадим ПЕРЕЛЬМАН. Бывший киевлянин, эмигрировавший из СССР 25 лет назад, по мнению американских кинообозревателей, — лучший дебютант года.

Юристы называют это «имущественным спором». Писатель Андре Дюбуа III преобразил рядовую тяжбу за дом в драму шекспировских страстей. Книжку Вадим купил в римском аэропорту.

Это история отверженных образца 2004 года, история превращения Американской мечты в Американскую трагедию. Бывший полковник иранских ВВС политэмигрант Массуд Берани (Бен Кингсли) из последних сил пытается сохранить пристойный уровень жизни своей семьи. И когда подворачивается возможность почти задаром купить на аукционе бунгало на берегу океана, он хватается за удачу. Как за ускользающую надежду на спасение. Репутации. Чести семьи и собственного достоинства. Даже известие, что дом конфискован у прежней владелицы Кэти (Дженнифер Коннелли) по ошибке, его не остановит. Будет биться до последнего. Но и Кэти, загнанная во мрак депрессии и одиночества, не уступит. В Доме, олицетворяющем для изгоев общества карамельную

химеру «American dream», разобьются их сердца.

— Как же быть с мифом: Америка — защитница своих граждан. Люди в вашей картине крайне беззащитны. Вас не упрекали за это?

— Да. Такие упреки были. В отсутствии оптимизма. Некоторые убеждены, что мой фильм — антиамериканский. Я не соглашусь. Во-первых, не я написал роман. Это история людей. Для меня здесь нет политики. Незащищенность? Думаю, это чистая правда. Не только в Америке. Мы все беззащитны. Поэтому нам и необходим дом, только настоящий. Знаете, в русском языке одно слово — «дом» — емкое, многосложное понятие. В английском — два: «home» и «house». Так вот, Берани не понимает разницы. Перепутав, видит не «душу дома», а стены. В традиции русской культуры понятно, когда человек мечтает о доме.

— Но для героини Коннелли «дом» — понятие ментальное. Это ее душевное пристанище. Отнимают дом — и она остается с опустошенным сердцем, в котором поселится ненависть.

Лариса КАМЫШЕВА

— Это ее пещера, в которую она залезла, как страус в песок вместе со своей подружкой депрессией, прячется там от жизни. Не высовывает носа. И вдруг кто-то в пещеру влез. Переворотил все и вышвырнул ее на улицу. Бесприютную.

— Вы человек мира, значит, вне привязанности страны, дома? Или я ошибаюсь?

— Нет, в этом много правды. Но корни — здесь. Отсюда я. Потому так важно для меня показать фильм в России. На премьере я сказал: «Во мне осталась русская душа. Кусочек ее». Его я «замуровал» в свой фильм. Мне очень бы хотелось, чтобы русские это увидели. Почувствовали.

— Слышала, что вы сами заплатили и за права инсценировки, и за сценарий. Но до вас автору десятки раз предлагали экранизировать его бестселлер. Он отказывал всем. Чем привлек его дебютант, простите, без имени?

— Убедил его тем, что останусь верным истории, что история близка мне.

— Потом дебютант заново переписал сценарий. Сам сделал кастинг. Да еще какой. Убедил сниматься оscarовских лауреатов Кингсли и Коннелли. Потом заручился поддержкой знаменитой студии Dream Works Pictures. Как вы уговорили звезд?

— Они встретились со мной. Поговорили. Но думаю, в большей степени их убедил сценарий. Вы же знаете, на кинорынок выбрасывается океан сценариев, каждая звезда получает их кипами. Но ролей подобного масштаба, психологического многоцветия — почти нет.

— Что дали вам они и что вы — человек со стороны — могли им дать?

— Мне трудно оценивать, что я дал им. Но знаю, что мне они подарили свой опыт и талант. Огромный опыт. Своих фильмов. Личных открытий. Один из величайших операторов мира Роджер Дикинс работал со мной скрупулезно. Он строит кадр по свету, углу съемки, композиции как под-

линный художник. Когда меня тянуло в сторону рекламных шпучек, трюков — он говорил: «Успокойся. Сделаем проще, прозрачнее».

— Меняли ли замысел актеры?

— Мне говорят: «Ну и как ты режиссировал самого Бена Кингсли? Кто ты и кто он!». Я не режиссировал. И он же не делал что-то специально для меня. Он знал о своем герое лучше меня и не понаслышке (царственный Кингсли — наполовину индеец). Поэтому я лишь предлагал: «Сделайте так. Если не хотите, посмотрим, какой рисунок вы предложите». Актеры придумывали сюрпризы на площадке. Порой я ловил себя на том, что внимаю им, как зритель.

— В фильме есть и третий герой — полицейский Лестер, влюбленный в героиню. Нет ли у вас ощущения, что Рон Элдарт заметно уступает Коннелли и Кингсли? В итоге трио не получается. Третий — робкая тень. В связи с этим картина эмоционально проигрывает.

— Знаете, почему так вышло? В романе существовало равноправное трио. У Лестера была своя история. Но экранного времени не хватало. Приходилось делать купюры. А я не хотел отбирать важные куски у главных героев. Сказал

Рону честно: «Играй во всю мощь, сколько позволяют силы и талант. Я не могу тебе дать больше экранного пространства». Он сыграл. И знаешь, к роли это подошло. Герой перепутанный. Непредсказуемый. Непонятный...

— Не хватило развития характера, превращающего полицейского в убийцу.

— Он такой righteous — не знаю, как это по-русски: всегда прав. Есть такие люди. Порядочные. Честные. Знающие, как делать можно и как нельзя.

— Бюджет фильма по американским масштабам небольшой, по российским — огромный: 16,5 миллиона. Как дебютант убедил китов кинобизнеса, что в него стоит вкладывать миллионы?

— На моей стороне был сценарий, затем они увидели масштаб таланта и личностей актеров. Поняли, как это может выглядеть с учетом мастерства других членов команды, и лишь тогда и сказали: «Хорошо».

— Спилберг предложил вам снять «Талисман» по Стивену Кингу. Значит ли это, что вы встаете на проторенные Голливудом рельсы? Или попытаетесь осуществить собственные идеи?

— Я не смотрю на путь, уходящий куда-то за горизонт. Блещат там рельсы или нет. Думаю: что должен делать сегодня? Например, стараюсь быть искренним с вами. Решаю, как лучше делать фильм. Сейчас. Когда художник рисует картину, он не говорит: «Третью, седьмую буду рисовать так-то». Пишет картину, сообщая ей сиюминутные переживания, мысли. Я хочу делать «Талисман». Идет работа над сценарием. Если сценарий получится, сделаю это. Если нет, у меня есть и другие варианты...

— Ваши впечатления от встреч со Спилбергом? Он открыт для профессионального диалога или, подобно своему знаменитому герою, он — «инопланетянин», неприступный небожитель?

— Я его не знаю близко. Мы общаемся только профессионально. Добрый человек. И, что особенно ценно, умный. Вполне вменяемый.

— На английских сайтах вас называют Russian maker. В чем преимущества и недостатки «русского режиссера» в Америке?

— Сложно ответить: не знаю русских режиссеров в Америке. Я не стал бы выискивать плюсы и минусы. Для меня национальность в данном случае не имеет значения. Думаю, режиссеры везде одинаковы. Профессия — их «национальность». Когда меня называют русским режиссером, имеют в виду корни.

— Значит, в Голливуде не чувствуете себя чужаком?

— Я во всем мире чувствую себя чужаком.

— Каково ваше впечатление от постсоветской России? Испуг, надежда?

— Никакого испуга. Россия становится европейской страной. После того как я уехал в 77-м году, Москва — другой город. Россия — другая страна. Может, если поехать куда-то в Красноярск, попаду в прежнюю Россию...

— И наконец, легкомысленный, на первый взгляд, вопрос. Когда вы смотрите какие-то состязания — Олимпийские игры, к примеру, — за команду какой страны болеете?

— Тут вы меня поймали. Это личный вопрос. Ладно, признаюсь: я всегда болею за русских. Во всех видах спорта. Вот вам и ответ на многие другие вопросы...

● Лариса МАЛЮКОВА

Переписьман Вадим

29.02.04

100